

Современные проблемы правоведения в контексте социальной роли права

Кацапова И.А.

кандидат философских наук,
старший научный сотрудник Института философии РАН
E-mail: katsapova@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается тема современного статуса права как на международном уровне, так и в социальной реальности. Раскрываются современные принципы и подходы в обосновании роли права. Акцентируется внимание на необходимости возрождения философско-правовой проблематики, в частности, возрождения философско-правового дискурса. В статье раскрывается социальная роль права через нормативную обусловленность. И обосновывается взаимообуславливающая связь социального статуса права с социальной ролью человека.

Ключевые слова: юридическая наука, философия права, мораль, естественное право, права человека, положительное право, международное право, правовая реальность, социальные отношения, справедливость.

Понятно, что сегодня говорить о положении в юридической науке, о системе юриспруденции в целом только в свете локальных проблем, или принципов их развития в рамках конкретного государства, или общей теории права и государства не вполне правомерно. Причиной тому являются современные тенденции развития общецивилизационного пространства, обнажившие почти глобальную проблему — проблему отношения не столько к самому праву, сколько к праву наций — *juris gentium*.

Основная идея цивилизационного развития сориентирована была на формирование общемирового сообщества, базирующегося на системе международных отношений, основополагающими принципами которых выступало бы международное право. По определению международное право представляет собой совокупность правоотношений с элементами нормативных актов, регулирующих эти отношения. И если в начале XX в. международное право создавалось главным образом как право, действующее в отношениях между государствами, при которых государства являлись *единственными субъектами права наций*¹, то постепенно характер этих отношений существенно изменился. Современные отношения между государствами практически можно соотнести с самим понятием европейского или международного права, потому что главными действующими субъектами международных отношений сегодня являются международные организации², сориентированные в первую очередь не на национальные, а на универсальные нормы и принципы взаимоотношений. Важно заметить,

что международное право — это ни какая-нибудь надправовая система, а система общих правил и законов, представляющая собой трансформацию и интеграцию конкретных национальных правовых систем. В общем плане международное право, или так называемое мировое право, выступает как система защиты прав и свобод человека, как система синтеза общемировых интересов и ценностей. Собственно, именно по этим критериям сегодня оно признано значительной частью стран и международных организаций.

Между тем, несмотря на столь сильную системообразующую сферу международных отношений, современный мировой политический кризис выявил не только слабые ее стороны, но даже несостоятельность некоторых международных организаций в решении главных проблем — защиты прав человека. Этой проблеме в настоящее время уделяется много внимания, но в большей степени оцениваются события, но не объясняются причины. Однако если проследить закономерность самой системы отношений и принципов формирования защиты прав человека, то можно обнаружить следующее. С одной стороны, европейское право в области прав человека представляет собой общепринятые государствами международные стандарты и, прежде всего, для национального права. Но в то же время сформулированные в декларациях общие принципы, хотя и имеют непосредственное отношение к правам человека и гражданина³, в целом **не являются импера-**

¹ См.: Дженис М., Кэй Р., Брэдли Э. Европейское право в области прав человека (Практика и комментарии) / пер. с англ. М.: Права человека, 1997. С. 15.

² К международным организациям относятся, например, межправительственные (ВТО), надгосударственные (Европейский союз), Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), Европейский суд по правам человека в Страсбурге, негосударственные (Международный олимпийский комитет) и многие другие.

³ Первый документ был составлен 27 августа 1789 г., через несколько недель после падения Бастилии (Великая Французская революция) и принят Национальным собранием Франции в качестве Декларации права человека и гражданина. Французская декларация подтвердила и провозгласила «перед лицом высшего существа и с его благоволения права человека и гражданина», записанные в 17 главах, в которых ясно и четко выделялись естественные права человека. Данная декларация была направлена на защиту этих естественных прав. Национальное собрание в утвержденной Французской конституции бесповоротно отменяет установления, сориентированные на причинение ущерба свободе и равенству прав.

тивными, а носят лишь *рекомендательный* характер и в большей степени рассматриваются как *источник* обычных норм международного права, закрепляя лишь основные права и свободы личности. С другой стороны, европейское право в области прав человека, представляя собой совокупность принципов и норм, регулирующих *международную* защиту прав и основных свобод индивидов, целиком *не может* контролировать *практику* обеспечения этих гарантий, которые всецело зависят от геополитических и региональных условий разных стран. В таком случае, внутри государства может происходить все, что угодно: от нарушения прав человека до геноцида... Вероятно, именно по этим причинам в настоящее время невозможно влиять на политику украинской власти, цинично пренебрегающей основными принципами защиты прав человека.

Исторически сложилось так, что права человека — это, по сути, есть те самые индивидуальные или «прирожденные» права, которые в XVIII в. получили статус «неотчуждаемых прав». Следует вспомнить еще и то, что именно эти права устанавливали отношения свободы и равенства не только между гражданами, но и между гражданами и государством и, конечно, имели статус контроля возможного произвола со стороны государства. Собственно, с этих пор «неотчуждаемые», или «прирожденные», права человека стали выражением представления о самоценности и безусловной значимости претензий человека на эти права. Понимание права в этом смысле фиксирует значение прав, существующих до и независимо от правоустановлений и всей практики положительного права (закона). И то, что они неотъемлемы, тождественно тому, что они неотчуждаемы в том смысле, что никто и никогда не может лишить человека этих прав, как и относительно самого человека можно сказать, что он не имеет права от них отказаться.

Надо заметить, что современное политико-правовое мышление, исходя именно из таких принципов, возвращается к идее возрождения *естественного* права в политической сфере, аргументируя свои намерения тем, что отказаться от естественного права сегодня равносильно тому, что признать окончательно, *что всякое право есть только позитивное право*. Практически согласиться с тем, «что то, что есть право, определяется исключительно законодателями и судами разных стран»⁴. В юридическом поле *естественное* право в широком смысле, в отличие от *права по закону*, предстает как «совокупность всех сверхпозитивных обязательств человеческой практики»⁵ в том смысле, что понимается сегодня как сверхпозитивная крити-

ка государственных институтов. Соответственно, естественно-правовое мышление связывают с так называемым *разграничением* и *сопоставлением права* и *закона* с позиций принципов справедливости. Отсюда современные концепции естественного права часто называются концепциями справедливости, или либеральными теориями, в рамках которых естественные права интерпретируются уже в качестве *политических* гарантий индивида, которыми он пользуется, если в силу тех или иных причин коллективная цель (общества или государства) не является достаточным оправданием для того, чтобы не позволить ему иметь или делать то, что он как индивид хочет иметь или хочет делать лишь в силу того, что имеет на это право. Или в том случае, когда индивида хотят чего-либо лишить или нанести ему какой-либо вред. Подобное определение индивидуальных прав, безусловно, носит формальный характер в том смысле, что не указывает и тем самым не раскрывает, какие именно права люди имеют, как и не гарантирует, что они вообще их имеют. Но это не лишает их безусловной ценности — быть. Категорический императив И. Канта, например, тоже не регламентирует и не определяет форму поступка, а указывает лишь на то, что поведение человека должно соответствовать той моральной максиме, которая может стать всеобщим законом в том смысле, что социальное поведение человека должно быть безупречным.

Идея двух видов права: позитивного и естественного — исторична. Например, в период с XVIII по XIX вв., на который пришелся расцвет позитивного права, весьма плодотворно велись дискуссии по поводу соотношения права и закона, то есть позитивного и естественного права. Однако в начале XX в. позитивное право практически вытеснило естественное, которое в истории человечества, надо заметить, является более древним, чем позитивное право. В социальной практике естественное право по преимуществу выступало в форме традиций, обрядов, представлено было в виде общественного мнения, синтезируя в себе одновременно моральные и правовые принципы, поэтому сориентировано было, прежде всего, на защиту интересов личности, социальных групп. Понятно, что понимание права и, соответственно, правовой реальности не дано фактически, а является результатом долгого исторического процесса формирования не только самого понятия «право», но и четкого разграничения в юридической науке и практике содержаний таких понятий, как «право» и «закон». Сегодня право и закон принято выводить из самих этих понятий, постулируя тем самым их безусловную самодостаточность, в отличие, например, от древних времен, когда право выводилось из обычая. Справедливости ради следует заметить, что до сих пор нет четкого различия того, что собой представляет собой право, а что — закон (к сожалению, даже среди профессио-

⁴ Штраус Л. Естественное право и история / пер. с англ. М.: Водолей Publishers, 2007. С. 8.

⁵ Хёффе О. Политика, право, справедливость. Основы положения критической философии права и государства. М.: Гнозис, 1994. С. 51.

нальных юристов). По этому поводу продолжают профессиональные дискуссии.

Разумеется, любые рассуждения о естественном праве, а тем более о естественных правах опосредованно предполагают дискуссию позитивной и естественно-философской рефлексии по поводу прав и обязанностей человека, гражданина и, соответственно, его отношений с государством. Например, представители так называемого правового позитивизма считают неприемлемой саму идею прав, согласно которой индивиды могут обладать каким бы то ни было противовесом государству, и которая, в принципе, имеет преимущество перед правами, четко определенными в законодательстве. По сути, отвергается сама возможность существования естественных прав до появления законодательства в той или иной его форме. В частности, ими утверждается, что отдельные люди или группы людей не могут обладать никакими иными правами кроме тех, которые закреплены в четко сформулированных правовых нормах, в совокупности составляющих действующего в том или ином обществе позитивного права — закона. Общепринято, например, считать, что позитивное право (закон) регулирует социальные сферы, и возникновение его связано с возникновением социума. Однако хотелось бы напомнить, что с возникновением так называемого социума в «обращении» было так называемое общее право, куда входили и такие нормообразующие социальные формы воздействия на поведение человека, как религия и мораль. В то время как императивная форма праворегулирования, связанная с различными институтами юриспруденции, выделилась только с момента образования такого общественного института, как государство.

Сегодня не подлежит сомнению, что методология правового позитивизма способствовала развитию конкретного правоведения, но проблема состоит в том, что, согласно позитивистской установке, существует только одно право — юридическое, всякого рода «сверхпозитивные» основания права позитивной наукой не воспринимаются серьезно. Понятно, что такая концепция в итоге ведет не только к абсолютизации роли государства, но и к утверждению его доминирующей роли по отношению к праву. Здесь не срабатывает даже классическая установка, что право возникло раньше государства, а значит, и существовать может помимо него. К тому же такая установка не только отрицает возможность нахождения каких-либо оснований права вне реальности государственных установлений, но и *зависит от изменений политической ситуации*. И главное в данном случае, по существу, разводятся такие понятия, как «закон как правовое явление» и «правовая сущность закона», а следовательно, практически из юридической науки элиминируется понятие объективного правового содержания. И совершенно очевидно,

вследствие того, что юридический позитивизм ориентируется только на традиционный подход к праву, он не затрагивает вопросов моральной теории, а значит, и нормативной. Более того, ориентируя граждан на законопослушное поведение, правовой позитивизм исключает какие бы то ни было условия консенсуса. Однако не стоит игнорировать того, что из признания современной концепции права как чисто светского продукта разумной деятельности человека следует не столько то, что право создано самим человеком, сколько то, что для самого человека.

Понятно, что юристы в большей мере, отстаивая современные формы профессионального подхода в изучении права в юриспруденции, продолжают настаивать на традиционных формах и методах как в законодательной, так и в правоприменительной сферах. Связано это, конечно, в первую очередь еще и с тем, что в своей профессиональной деятельности юрист должен ориентироваться на законодательные и процессуальные проблемы, тогда как проблемы моральных или идеальных основ права выходят за пределы его юридического сознания. Однако не следует забывать, что в общественном пространстве и в общественных отношениях проблема заключается не в профессиональных спорах о концептуальном или методологическом подходе в исследовании права и правовой реальности. Вопрос состоит в определении наличия или отсутствия конституционных прав в государстве, способных защитить человека от государственного произвола. В качестве примера можно привести события, которые сегодня происходят на Востоке Украины. Проблема, по сути, сводится к дискурсу позитивной и естественно-философской рефлексии по поводу прав и обязанностей человека, гражданина и, конечно, его отношений с государством.

Позицию юристов, отвергающих естественное право как альтернативное позитивному, можно назвать по крайней мере узкопрофессиональной по одной простой причине: в ней, прежде всего, не учитывается тот ключевой факт, что суть правоведческих вопросов составляют вопросы, касающиеся не только правовых фактов и стратегий, но и моральных принципов, таких, например, как правомерность, справедливость. По мнению англо-американского теоретика права и юриста Р. Дворкина, профессиональный подход в юриспруденции лишь создает «иллюзию успешного решения» правоведческих вопросов, в то время как «по-настоящему важные и принципиальные вопросы права остаются незатронутыми»⁶. К вопросам такого рода Р. Дворкин относит моральные принципы права. В целом, полагает правовед, профессионалы

⁶ Дворкин Р. О правах всерьез / пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2004. С. 18.

в юриспруденции, «предав забвению моральные основы права», к сожалению, не учитывают «тот ключевой факт, что суть правоведческих вопросов составляют вопросы, касающиеся моральных принципов, а не фактов и стратегии»⁷.

В таком случае ни в этом ли конфликте заключаются и современные проблемы, связанные с глобальной перестройкой канонов юридических принципов и форм отношений мирового сообщества? Не повлияла ли излишняя абсолютизация позитивного права на глобальные цивилизационные проблемы? Создавая мировое, или международное право, государства ориентировались на регулирование прежде всего интересов государства и государств, а вот права человека — их общая форма — выступили всего лишь в качестве рекомендательных принципов, в отличие от тех императивных требований, которыми наделяет государство принципы позитивного права — закон. Ни рекомендательная ли трактовка о правах человека и безусловное их подчинение государству, в котором человек проживает и гражданином которого является, позволили сегодня в некоторых регионах мира поставить жизнь человека, конкретного, а не абстрактного понятия «человек», или «юридический субъект», на грань выживания — между самой жизнью и смертью? Ни по этой ли «условной причине» «уничтожаются» там люди, в то время как политики утверждают, применяя абстрактные категории, что они, защищая интересы государства, — борются с «терроризмом», «сепаратизмом»... прикрывая этими словами *цинично продуманные* собственные смыслы и интересы. Человек-то тут причем? Или завоевание человечеством цивилизации, так называемого общемирового пространства и есть то *самое зло*, о котором предупреждали Н. Данилевский и О. Шпенглер?

Получается, что сегодня именно международное право в его естественной форме — прав человека — на практике демонстрирует свою несостоятельность. И надо заметить, это уже не просто нигилизм по отношению к праву, вызванный невежеством или инфантилизмом. Скорее, это уже практика, сопряженная с цинизмом, рефлектирующим систему ценностей, противостоятельных сознанию большей части человечества, которое вынуждено сегодня оправдывать даже не само право и его принципы, а скорее, его ценность как универсальную возможность хотя бы на каком-то уровне найти согласие и обрести доверие. Получается, что законодательная практика, подчинившись политическим интересам, утрачивает свое исходное назначение — оформление справедливого общественного порядка.

Несомненно, можно назвать множество причин, создавших кризис международных отно-

шений, которые, разумеется, будут исследованы специалистами в разных областях знаний. Однако на одну из причин следует указать — это *кризис политико-правовой деятельности*. Сегодня о кризисе говорят многие, но не многие знают о том, что профессиональный дискурс между специалистами в области юриспруденции и философии вокруг правовых проблем имеет исторические корни. Философско-правовые темы давно обсуждаются в современной литературе, такие как «место индивида внутри правовой системы как таковой», «свобода и закон» (Б. Леони); или «мораль права» (Л. Фуллер); «право — на его универсальном уровне — прав человека его свободы» (Ф. Хайек); или «проблема нормативности общей теории права» (Р. Дворкин); «проблема этико-юридического дискурса», «проблема аргументации и интерпретации в юриспруденции» (П. Рикёр) и многие другие. Современной, и даже злободневной стала тема о *двойных стандартах* в интерпретации принципов и норм права, тогда как правовая аксиома гласит, что юрист или правовед прежде всего должен следовать букве и духу закона. В юридической практике, однако, существует система, когда сам закон может быть интерпретирован в чьих-либо интересах, в силу чего и возникают те самые двойные стандарты, о которых говорят сегодня. Тему — возможна ли интерпретация и/или аргументация в юридической практике — актуализировал в своем творчестве французский философ П. Рикёр, который в полемике с англо-американским юристом и правоведом Р. Дворкиным обсуждал эту вполне злободневную тему для юриспруденции.

Сегодня, например, общепризнано, что законодательство — благо само по себе. Однако такую установку опровергает итальянский юрист Б. Леони, утверждая в частности, что именно избыточное законодательство препятствует реализации принципа — *верховенство права и закона*, согласно которому право возникло раньше государства, соответственно именно оно и должно формировать государственную политику. По существу, принцип — верховенство права и закона — с необходимостью должен выступать центральной идеей всякой политической науки. Однако в практической плоскости ситуация выглядит несколько иначе: современное право зависит от государства настолько, что практически вырабатывается самой властью (Б. де Жувенель). И в определенном смысле законодательство не только зависит от государственной политики, но даже не может ей препятствовать, и уж тем более быть судьей. Понятно в таком случае, почему сегодня трудно требовать от тех, кто управляет законодательной политикой — *быть справедливыми*.

Например, в качестве наиболее фундаментальной проблемы современной юриспруденции классик политической и экономической мысли

⁷ Там же. С. 25.

Ф. Хайек выделил то, что лидерство от профессионалов частного права перешло к специалистам в области публичного права. Современные юристы вследствие этого «в качестве инструмента общего, не ими созданного замысла, превратились в орудие не принципов справедливости, а аппарата, в котором индивидуум вынужден служить целям своих правителей»⁸ (курсив мой. — И.К.). Современная юриспруденция, утверждает мыслитель, «всецело находится под влиянием людей, главной заботой которых является публичное право, или правила организации правительств»⁹, а не системы правил личного поведения, которая преобразуется в систему функционирования организации. Опасным в такой ситуации является то, что в современных условиях трансформации права — право в качестве главного защитника личной свободы «обречено на исчезновение». Последствия такого расклада сил вполне очевидны, и касаются они уже не просто темы права, а темы универсальных прав личности и ее свободы. Очевидно, что для официальной концепции права «идея прав, которыми индивиды могут обладать как противовесом государству и которые имеют преимущество перед правами, четко определенными в законодательстве»¹⁰, считает уже англо-американский правовед и юрист Р. Дворкин, становится неприемлемой.

Понятно, что в современных государствах, конечно, с учётом уровня их развития, право стало первоосновой и фундаментом общественной жизни, соответственно, вся система социальных связей и отношений выстраивается на базе позитивистского юридического мировоззрения. Но важно здесь то, что юридическому мировоззрению присущ лишь формальный подход к анализу жизненных отношений, а следовательно, и институтов, когда действительность права напрямую зависит только от должным образом установленных законом правил и узаконенных наказаний (или санкций). Необходимо признать и то, что такой подход приемлем только с точки зрения позитивной организации праворегулирования общественных отношений. В то время как основная идея о социальной роли права сориентирована не столько на формат обеспечения порядка и социальной справедливости, сколько на условия формирования такой основы социальной жизни, которая бы не только не препятствовала, но и способствовала бы духовному росту самого человека. Никто не будет спорить с тем, что благополучие нации, народа, да и просто человека зависит не от охраны тех или иных учреждений, а, прежде всего, от уровня жизни, на который должна ориентироваться государственная политика.

⁸ Хайек Ф.А. Право, законодательство, свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / пер. с англ. М.: ИРИСЭН, 2006. С. 85.

⁹ Там же. С. 85.

¹⁰ Дворкин Р. Указ. соч. С. 10.

По существу получается, что при составлении юридических норм законодательная политика должна быть направлена на соблюдение основного правила, согласно которому законы, по крайней мере, не должны противоречить духовной эволюции самого человека. В таком случае правовая и законодательная политика государства должна соответствовать принципу, на основании которого законы должны избегать подобного рода противоречий и создавать основу для социальной жизни человека в соответствии с таким уровнем, который бы способствовал этому духовному росту. По сути, социальная роль права в данном контексте должна соответствовать принципу: права на достойное человеческое существование. В таком случае получается, что и правило, на которое должны ориентироваться законодатели при составлении юридических норм — законов, как ни парадоксально, по сути, становится надправовым. Собственно, именно с этими темами и проблемами работали отечественные правоведы и социальные философы середины XIX — начала XX в. (В.С. Соловьев, Б.Н. Чичерин, П.И. Новгородцев, Е.Н. Трубецкой, И.А. Ильин и др.), создавая огромный массив философско-правовой литературы в виде теоретического наследия.

Конечно, нет смысла отрицать то, что в истории были ситуации, когда право во имя интересов государства попирало права человека, но это как раз и способствовало тому, что в XVII в. задумались над понятием «прав человека». Концептуальные идеи Д. Локка, Ш. Монтескье и других мыслителей непосредственно воплотились в конституционное законодательство многих европейских стран, а предложенная Дж. Локком формула неотъемлемых прав человека — на жизнь, свободу, собственность — практически заложила основу не только для юридической практики, но и для политики, ориентирующейся прежде всего на либеральные ценности. Понятно, что именно такие фундаментальные формы и стратегии должны способствовать созданию позитивного миропорядка, тем более что история в полной мере насыщена негативными примерами и хранит пока еще память о войнах и их последствиях. Может быть, стоит более внимательно относиться к культурному наследию, иначе можно перейти грань дозволенного и скатиться к первобытным формам жизни.

Современные принципы и сложившийся технологический подход в правотворчестве сегодня, конечно, вытеснили классические его формы, когда законы и институты общественной жизни считались существующими от века. И законодательство сводилось лишь к попыткам зафиксировать и сделать известным уже существующий закон, который неизменно воспринимался как данный, когда вообще сама идея о том, что закон может быть создан людьми, была чужда мыш-

лению народов. В современном общественном пространстве позитивный порядок осуществляется путем установления границ правомерного поведения граждан, а знание о праве ассоциируется лишь со знанием того, что право есть порядок, регулирующий правоотношения отдельных лиц в обществе, порядок, защищающий интересы личности от всякого рода антиправовых и антиобщественных действий. Однако в данном контексте представлена лишь одна сторона социального статуса права, задействованного лишь на индивидуальный принцип, обеспечивающий каждому свое право. По сути, такое знание о праве вполне удовлетворяет *незнанию* того, что на самом деле социальная роль права шире. Как считал отечественный правовед и социальный философ П.И. Новгородцев, право — это не только норма общественной жизни, но еще и *норма и принцип личности*. Мыслитель утверждал, что только «человеку свойственно видеть в праве установление, зависящее от личной воли и мысли»¹¹. И если рассматривать право в таком ракурсе, то необходимо будет признать право и в качестве *творческой самоорганизации личности*, которая уже, в свою очередь, должна будет признать право *в качестве важной социальной ценности*. Конечно, такая установка свойственна далеко не всем, а только человеку, который способен воспринимать правовую реальность и понимать, что выбор действия или поступка всегда остается за ним.

По сути, социальная роль права раскрывается через нормативную обусловленность, что указывает на взаимообуславливающую и очевидную социальную связь права с нравственностью. В таком случае характер права позволяет выразить то, что право адресовано не столько юридическому субъекту, сколько *свободной* воле участников общественных отношений, и имеет смысл лишь там, где у адресата нормы существует выбор вариантов поведения¹². Именно знание того, какой поступок является правильным, соразмерным добродетели, то есть то самое знание, о котором мыслили эллины в Древней Греции, в частности Сократ, помогает человеку осознавать свою гражданскую позицию или социальную обусловленность. Нормативность права может быть задействована не только на юридическом уровне — регулирования правоотношений в ситуации конфликта сторон, но и на социальном уровне отношений между людьми в общественных институтах, когда юридическое поле ограничено только социальными отношениями, которые носят по большей мере формальный характер, но непосредственно юридическими не являются. Институциональ-

ные отношения выстраиваются в соответствии с законодательной политикой, базирующейся на нормах административного и трудового законодательства той организации, сотрудником которой человек непосредственно является. В отношениях же с коллегами он регламентирует свои действия в соответствии с так называемыми этическими принципами, принятыми в коллективе. В системе отношений такого рода задействованы две нормативные формы — право и мораль — соответственно, в данном случае речь не может идти только о юридической, или только о моральной нормативности. В данной «пограничной ситуации», как обозначил эту форму отношений французский философ П. Рикёр, выстраивается обуславливающая связь социальной нормативности. Социальная форма межличностной коммуникации происходит не просто через понятие «каждому свое право», а через понятие «я-сам как другой», когда человек, перерастая границы самости, становится полноценной личностью, уважающей не только себя, но и другого как того, кто также имеет право и на свободу, и на равенство.

Безусловно, мировое сообщество в полной мере осознало то, что правовое государство, в рамках которого осуществляется практика организации политической власти и реализуется принцип обеспечения прав и свобод человека и гражданина, является одним из существенных достижений человеческой цивилизации. Но просчиталось, к сожалению, в том, что ни правовая организация политической власти, основанная на верховенстве законности, прав и свобод человека и гражданина, ни право «само по себе», ставшее венцом культурного развития цивилизаций, ни либеральные ценности, могучее средство обеспечения свободы, равенства и братства, как показывает исторический опыт и практика социальной жизни, — не способствуют *внутреннему* единству общества. На самом деле, как писал Новгородцев в конце XIX в.: «правовое государство не есть венец истории, не есть последний идеал нравственной жизни»¹³. И что утверждения «одних отвлеченных начал равенства и свободы»¹⁴ недостаточно для установления общественной гармонии.

И надо заметить, что современные условия международной жизни показали всем, насколько пророческими были мысли Новгородцева. О каком международном праве сегодня может идти речь, когда очевидным образом попираются не только неотъемлемые права человека, но даже самое главное право — право на жизнь! Сегодня принято делить права человека на определенные группы и поколения. Некоторые правоведы делят

¹¹ Новгородцев П.И. Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба. СПб.: Лань, 1999. С. 14.

¹² См.: Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М.: Зерцало, 2008. С. 61–62.

¹³ Новгородцев П.И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. М.: Наука, 1996. С. 20.

¹⁴ Там же. С. 17.

так называемые *права человека* на абсолютные и относительные. Понимая, например, под абсолютными фундаментальные права человека: право на жизнь, право не подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому, унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию, право на неприкосновенность частной жизни, личную или семейную тайну, защиту своей чести и достоинства, свободу совести, свободу вероисповедания... Оговаривается при этом главное условие, охраняющее эти права: не допускается ни при каких обстоятельствах ни ограничение, ни временное приостановление этих прав. Все же остальные права человека называются относительными, которые уже, в свою очередь, могут быть и ограничены, и приостановлены на определенный срок в случае введения режимов чрезвычайного или военного положения. По сути, все это указывает на то, что правовая система ценностей непосредственно зависит от социально-политических условий того государства, в котором они задействованы. Хотя правомерно ли вообще деление прав человека на абсолютные или относительные в случае, когда речь идет о правах человека на уровне права народов, или европейского права?

В повседневной практике жизни часто за *глобально* организованной деятельностью человек пропускает мимо элементарную условность: как бы ни были изменчивы нравы, в общем суть морали остается неизменной. И как бы юристы сегодня ни утруждали себя доводами о том, что современное законодательство в силу тех или иных объективных причин вынуждено не учитывать интересы личности — на универсальные заповеди альтернатив им не найти.

Может быть, стоит сегодня, как в конце XIX — начале XX в., открыть дискуссии и вернуться к обсуждению проблем, возникших в юридическом поле, да и в самой юридической науке? Потому что именно сегодня назрела необходимость задуматься над основополагающими смыслами — о смысле и качестве самой жизни, о праве на достойное человеческое существование.

В конце XIX столетия Новгородцев, размышляя над проблемами права и правовой реальности, в частности, утверждал, что в общественном пространстве ни право, ни государство сами по себе не создают законы, их создают люди. Государство, подчеркивал юрист, является лишь органом, но не творцом общественной жизни. Во всяком случае, многие социальные проблемы, как и проблемы соотношения государства и личности, коренятся не в безличных общественных структурах и институтах, так называемых объективных законах социального развития, а в самом человеке. Абстрактные же понятия — государство, право — со временем меняют свои смысловые оттенки, зависят от политических и социальных условий, в то время как человек, его устремлен-

ность в будущее, его способность мыслить и оценивать реальность дают ему право совершенствовать и институты и условия общественной жизни. В силу чего, полагал правовед, только от человека зависит качество самих законов и смысл общественного бытия. Мыслитель определял право не только как норму общественной жизни, но и как норму и принцип личности. Важно здесь то, что он стремился показать относительную самостоятельность различных сфер социальной жизни и в то же время их детерминированность определенными нравственными принципами. Пытаясь связать эти принципы с социальной реальностью, Новгородцев стремился указать на то, что *только* человек, способный возвыситься над материальной действительностью, потенциально имеет возможность, путем самосовершенствования, опосредованно влиять на развитие политических и правовых форм организации социальной жизни.

Главным идейным мотивом теоретического осмысления права и правовой реальности для Новгородцева было осознание того, что для правовой природы человека определяющее значение имеет осознание того обстоятельства, что в абстракциях права за внешней условностью речь идет о самом главном и существенном в жизни индивида и всего социума: о свободе, справедливости, равенстве. Поэтому правовые условности, на самом деле, считал правовед, это абсолютно необходимые условия достойной человека жизни — всех и каждого.

Новгородцев в свое время писал и о том, что юридическая наука (его времени) превратилась в *цеховую* (отраслевую), подразумевая по этим, что она, в большей мере ориентируясь на авторитеты (в частности, римское право), забывает о главном, прежде всего о человеке, *которого наделяют правами и обязательствами составители законов*. Именно поэтому он настаивал на возрождении естественного права, причем, хоча подчеркнуть, не как *альтернативе* позитивному праву, а как одной из ступеней (разновидностей) права, сориентированного на иные смыслы и формы правоотношений. Его естественно-правовая концепция направлена была на поиски особой реальности права, несводимой к реальности государственно-властных установлений.

Надо отметить, что и современная критика господствующих теорий юридического позитивизма в общих чертах основана именно на положении о том, что подлинное право образует не только осознанные решения, которыми, согласно правовому позитивизму, это право исчерпывается, но и распространенные в обществе обычные моральные нормы, оказывающие большое влияние на принятие таких решений. Вряд ли, например, такие суждения, как «несправедливые законы» или «несправедливые приговоры» менее актуальны для юридической практики, чем понятия «пре-

ступление» и «наказание». В социальной жизни сознание человека, принимая такие суждения, ориентируется прежде всего на существование некоего эталона *справедливости* или *несправедливости*, независимого от знания позитивного права. В то же время, ссылаясь именно на *этот эталон*, человек может судить и о позитивном праве.

Таким образом, совершенно ясно, что естественно-правовое мышление не исчерпало себя содержательно, можно допустить лишь то, что исчерпала себя определенная историческая форма такого мышления. Поэтому любая историческая ретроспектива в понятие *естественного права* вводит в пространство признания или непризнания существования *естественного права* с его защитой прав и интересов личности, с признанием дискурса о проблеме соотношения права и нравственности как социально уравновешенных нормативных элементов общественной организации, с определения межличностной формы общественной коммуникации. И, как считал Новгородцев, естественное право, в результате сочетания права и нравственности, предстает как симбиоз различных социальных норм, как некий ценностно-содержательный, нравственно-правовой комплекс. В принципе, четкое разграничение между правом и моралью возможно лишь на той ступени развития, когда ясно сознается различие между тем, что состав-

ляет безусловную основу нравственной жизни, не подлежащую временному изменению, и тем, что есть произведение самого человека, подлежащее изменению и ограничению.

Список литературы:

1. Альбов А.П. О понятиях и категориях в философии и теории права (или что отличает науку от мнений в науке) // Российский журнал правовых исследований. 2014. № 4 (1). С. 46–59.
2. Дворкин Р. О правах всерьез / пер. с англ. М.: РОССПЭН, 2004. 392 с.
3. Дженис М., Кэй Р., Брэдли Э. Европейское право в области прав человека (Практика и комментарии) / пер. с англ. М.: Права человека, 1997. 608 с.
4. Лапаева В.В. Современное состояние и перспективы российской теории права и государства. Часть 1 // Российский журнал правовых исследований. 2014. № 4 (1). С. 20–31.
5. Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М.: Зерцало, 2008. 246 с.
6. Новгородцев П.И. Введение в философию права. Кризис современного правосознания. М.: Наука, 1996. 269 с.
7. Новгородцев П.И. Историческая школа юристов, ее происхождение и судьба. СПб.: Лань, 1999. 192 с.
8. Хайек Ф.А. Право, законодательство, свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / пер. с англ. М.: ИРИСЭН, 2006. 644 с.
9. Хёффе О. Политика, право, справедливость. Основоположения критической философии права и государства / пер. с нем. М.: Гнозис, 1994. 320 с.
10. Штраус Л. Естественное право и история / пер. с англ. М.: Водолей Publishers, 2007. 312 с.
11. Шульц В.Л., Бочкарёв С.А. «Состояние права» как объект научно-практического осмысления // Российский журнал правовых исследований. 2014. № 4 (1). С. 13–20.

Modern problems of jurisprudence in the context of the social role of the law

Catzapava I.A.

PhD in philosophy,

Senior researcher, Institute of Philosophy RAS

E-mail: katsapova@gmail.com

Abstract. *The article considers the current status of law at both the international level and in social reality. Disclosed modern principles and approaches to study the role of law. Focuses on the need to revive the philosophical and legal issues, in particular, the revival of philosophical and legal discourse. The article describes the social role of law through normative conditionality. And substantiated inter causing communication of social status law with the social role of the man.*

Keywords: *jurisprudence, philosophy of law, morality, natural law, human rights law, positive law, international law, legal reality, social relations, justice.*

References:

1. Al'bov A.P. O ponyatiyah i kategoriyah v filosofii i teorii prava (ili chto otlichaet nauku ot mnenii v nauke) // Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovaniy. 2014. № 4 (1). S. 46–59.
2. Dvorkin R. O pravah vserez' / per. s angl. M.: ROSSPEN, 2004. 392 s.
3. Dzhenis M., Kei R., Bredli E. Evropeiskoe pravo v oblasti prav cheloveka (Praktika i komentarii) / per. s angl. M.: Prava cheloveka, 1997. 608 s.
4. Lapaeva V.V. Sovremennoe sostoyanie i perspektivy rossiiskoi teorii prava i gosudarstva. Chast' 1 // Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovaniy. 2014. № 4 (1). S. 20–31.
5. Leist O.E. Sushnost' prava. Problemy teorii i filosofii prava. M.: Zercalo, 2008. 246 s.
6. Novgorodcev P.I. Vvedenie v filosofiyu prava. Krizis sovremennogo pravosoznaniya. M.: Nauka, 1996. 269 s.
7. Novgorodcev P.I. Istoricheskaya shkola yuristov, ee proishozhdenie i sud'ba. SPb.: Lan', 1999. 192 s.
8. Haiek F.A. Pravo, zakonodatel'stvo, svoboda: Sovremennoe ponimanie liberal'nykh principov spravedlivosti i politiki / per. s angl. M.: IRISSEN, 2006. 644 s.
9. Heffe O. Politika, pravo, spravedlivost'. Osnovopolozheniya kriticheskoi filosofii prava i gosudarstva / per. s nem. M.: Gnozis, 1994. 320 s.
10. Shtraus L. Estestvennoe pravo i istoriya / per. s angl. M.: Vodolei Publishers, 2007. 312 s.
11. Shul'c V.L., Bochkarev S.A. «Sostoyanie prava» kak ob'ekt nauchno-prakticheskogo osmysleniya // Rossiiskii zhurnal pravovykh issledovaniy. 2014. № 4 (1). S. 13–20.